The NEP Era: Soviet Russia 1921-1928, 1 (2007), 55-88.

ИРИНА ТАКАЛА (Петрозаводск, Россия)

“ЗА ТРЕЗВЫЙ БЫТ!”: АЛКОГОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920-Е ГОДЫ

Мы пафосом новым упьемся допьяна,
Вином своих не ослабим воль.
Долой из жизни два опиума −
Бога и алкоголь!
В. Маяковский

Алкогольную политику советской власти в первое послереволюционное десятилетие условно можно разделить на два этапа, когда был пройден путь от “диктатуры трезвости”[1] до фактически свертывания антиалкогольных мероприятий, точнее перевода их в совершенно иное русло.

Первый этап, который вполне правомерно считать периодом радикальной борьбы за трезвость, охватывает годы революции и гражданской войны.

Большевикам в наследство от старой власти достались огромные запасы спирта − свыше 70 млн. ведер (в пересчете на 40°).[2] Сотни складов были заполнены готовой продукцией, в том числе редкими и дорогими винами. В одном Петрограде только частных винных складов насчитывалось около 700 с запасами напитков на сумму в несколько миллионов руб.[3] Это был воистину золотой запас государства: в главном хранилище страны − погребах Зимнего дворца − хранились, например, элитные напитки общей стоимостью свыше 5 млн. Долларов.[4]

Первоначально предполагалось, что захваченное вино и спирт будут проданы за границу,[5] поэтому первыми антиалкогольными мероприятия-

1. Выражение заимствовано у С. Шевердина. См. цикл его статей: С. Шевердин, “От ‘диктатуры трезвости’ к ‘меньшему злу’”, *Трезвость и культура*, № 4, 7, 8, 10 (1988).

2. Т. П. Коржихина, “Борьба с алкоголизмом в 1920-е - начале 1930-х гг.”, *Вопросы истории*, № 9 (1985): 21.

3. *Правда*, 3 декабря 1917.

4. Л. Д. Мирошниченко, “История борьбы с пьянством и алкоголизмом в 20-30-х годах”, *Вопросы наркологии*, № 3 (1990): 55.

5. См.: В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений* (Москва: Политиздат, 1960), 50:5; *Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы* (Москва: Политиздат, 1967), 3: 285.

ми новой власти стали распоряжения по охране винных складов. Уже в предписании № 334 от 25 октября 1917 г. Военно-революционный комитет потребовал от всех районных советов Петрограда обеспечить самую тщательную охрану складов со спиртным. 27 октября было дано указание о производстве обысков, облав и арестов с целью пресечения пьянства; всякую попытку захвата спирта предписывалось подавлять силой. В начале ноября был назначен усиленный караул в 40 матросов для охраны винохранилищ Зимнего дворца.[6] 5 ноября 1917 г. Лениным было написано обращение "К населению",[7] где указывалось на необходимость установления строжайшего революционного порядка и подавления попыток анархии со стороны пьяниц и хулиганов.

Опасения не были беспочвенны − среди населения Петрограда начал нарастать ажиотаж, по городу ходили листовки с призывами к разгрому винных складов и в некоторых местах они начались. "Пьяные" бунты и погромы, прокатившиеся по столице в ноябре-декабре 1917 г., были отчасти следствием хаоса и анархии первых революционных месяцев, отчасти − результатом умелой пропаганды контрреволюционного подполья, распространявшего листовки с адресами винных складов. Действовали и специально подготовленные наводчики, переодетые "под рабочих", провоцируя население на разгром этих складов. "Они, − писала 2 декабря газета 'Правда', − хотят превратить наше движение в погром, солдат революции в пьяную орду. . .". О "планах контрреволюции потопить революцию в пьянстве" докладывал на заседании Петроградского совета председатель Комитета по борьбе с погромами В. Д. Бонч-Бруевич:

> В чайные второго и третьего разряда привозятся большие количества водки, которая тут же распродается по крайне дешевой цене, либо раздается даром. . . . В некоторых местах появлялись вдруг какие-то люди, которые давали выстрел в воздух, на который быстро сбегалась банда в 15-20 человек, начинала разбирать стену, за которой оказывалось вино. Тотчас же в ближайшие воинские части звонили по телефону. При опросе задержанных отдельных воинских чинов выяснялось, что их спаивали и сорганизовывали из них особый институт подстрекателей к выпивке, за что платили по 15 руб. в день.[8]

Уже к середине ноября стало ясно, что обеспечить надежную охрану сотен объектов просто не реально. В разных концах города действовали

---

6. П. Я. Канн, "Борьба рабочих Петрограда с пьяными погромами (ноябрь-декабрь 1917 г.)", *История СССР*, № 3 (1962): 135.

7. Ленин, *Полное собрание сочинений*, 35: 66.

8. *Правда*, 7 декабря 1917.

десятки различных по величине групп; погромщики прорывались через оцепления в винные погреба, разбивали тысячелитровые бочки, некоторые из них захлебывались и тонули в потоках вина; все это сопровождалось массовыми грабежами и разбоем. Когда стало очевидным, что без чрезвычайных мер остановить пьяные погромы не удастся, Военно-революционный комитет 26 ноября 1917 г. принял решение уничтожить все винные и спиртовые запасы в Петрограде. Для осуществления этого решения учреждалась специальная должность “комиссара по борьбе с пьянством”, который должен был присутствовать при уничтожении спиртных напитков. Операцию предписывалось провести в течение ближайших двух дней, первым “винным комиссаром” был назначен И. Ф. Быдзан.[9] На следующий день красногвардейские отряды и несколько рот матросов с пулеметами приступили к операции: бутылки и бочки разбивали ломами и топорами, спирт и вина с помощью пожарных помп выкачивали в сточные канавы. Результаты работы оказались весьма впечатляющими: в одном лишь Зимнем дворце было уничтожено напитков на 3 млн. руб.; рабочими Трубочного завода на складе Латипак по 5-й линии Васильевского острова было вылито 5 тыс. ведер виноградных вин, в Волховском переулке на складе Шитта − 10 тыс. ведер[10] и т.д.

Чтобы ликвидируемые запасы вновь не пополнялись, 27 ноября ВРК приказал закрыть и опечатать винные и спиртовые заводы, а также вынес постановление, запрещающее изготовление и продажу спиртных напитков. Виновные в этих преступлениях, как и задержанные в пьяном виде, подлежали военно-революционному суду.[11] Тогда же был отдан приказ по комендатуре Красной гвардии и полковым комитетам гарнизона о немедленном аресте всех пьяных и участников хищений спиртного. Окончательно справится с погромами удалось лишь после введения 6 декабря в Петрограде осадного положения и применения в борьбе с погромщиками огнестрельного оружия и броневиков.[12]

Рецидивы пьяных погромов отмечались еще в конце декабря и конце января 1918 г. и, очевидно, не только в Петрограде − листовки с призывами к трезвости и борьбе с погромщиками распространялись по Москве и многим другим городам страны.[13] Любые формы организованного пьянства карались весьма сурово: на Украине, например, и в ряде других

---

9. *Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы*, 3: 376-77, 400.

10. Канн, “Борьба рабочих Петрограда с пьяными погромами (ноябрь-декабрь 1917)”: 135.

11. *Петроградский военно-революционный комитет*, 3: 400-01.

12. Канн, “Больба рабочих Петрограда с пьяными погромами (ноябрь-декабрь 1917)”: 135-36; Т. С. Протько, *В борьбе за трезвость: Страницы истории* (Минск: Наука, 1988), с. 98-100.

13. См: “Листовки революции”, *Известия*, 2 ноября 1987.

мест “злостное пьянство”, особенно в Красной Армии, подлежало “суду военного трибунала, вплоть до высшей меры наказания”.[14] И в целом, в первые послереволюционные годы значение борьбы с пьянством, фактор трезвости пролетарского, красногвардейского авангарда оценивались большевиками очень высоко. С водкой воевали при помощи пулеметов и винтовок, поскольку считали ее оружием, способным уничтожить пролетарское государство. Пьяницы рассматривались как враги народа и революции и должны были нести ответственность по всей строгости революционных законов. Вся страна распевала тогда агитку Д. Бедного:

Аль не видел ты приказов на стене –
о пьяницах и о вине?
Вино выливать велено,
а пьяных – сколько ни будет увидено,
столько и будет расстреляно.[15]

В партии среди передовых рабочих существовала своего рода якобинская нетерпимость к проклятому наследию, уличенных в пьянстве коммунистов безжалостно исключали из РКП(б), независимо от заслуг. Трезвость рассматривалась большевиками как общепартийная норма и как одна из ближайших целей революции для всего народа. “Под знаменем воздержания от алкоголя, − писалось в одной из первых советских антиалкогольных брошюр, − народилась и должна укрепляться коммунистическая рабоче-крестьянская Россия”.[16]

Политика “диктатуры трезвости” закреплялась целым рядом законодательных актов.

В мае 1918 г. с целью предотвращения переработки хлеба на самогон был принят декрет ВЦИК “О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими”.[17] Самогонщики объявлялись врагами народа, за подпольное изготовление спиртного предусматривалась уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок не менее 10-ти лет, с конфискацией имущества и принудительными работами.

В условиях начавшейся гражданской войны выполнение этого декрета стало нереальным. Тем не менее, на первых порах антиалкогольной политике новой власти благоприятствовала экономическая конъюнктура

---

14. *Пьянство и преступность: история, проблемы* (Киев: Государство и право, 1989), 117.

15. Шевердин, “От ‘диктатуры трезвости’ к ‘меньшему злу’”, 4: 9.

16. Там же.

17. *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства*, (Москва: Изд. Наркомюста, 1917-38). (Далее − *СУ РСФСР*), № 35 (1918), статья 468.

периода блокады и военного коммунизма: отмирание денежно-налоговой системы, отторжение винодельческих районов, голод и система продразверстки, не оставлявшая излишков хлеба в крестьянском хозяйстве.

Вместе с тем, уже осенью 1918 г. в стране возникла необходимость восстановления спиртовой промышленности, поскольку с утратой нефтяных месторождений Кавказа пришлось заменить нефтепродукты спиртом в качестве жидкого топлива. Запасы же спирта, в огромных количествах захваченные белой армией, расхищавшиеся при эвакуациях или просто уничтоженные в революционном антиалкогольном запале, в октябре 1918 г. по всей республике насчитывали всего 3,5 млн. ведер (в 40°), тогда как запросы одного только автотранспорта составляли свыше 2 млн. Ведер.[18] Выход был найден в национализации и возобновлении работы (где это было возможно) предприятий спиртовой промышленности. К середине 1920 г. было национализировано 953 спиртоводочных завода.[19] Спирт производился и отпускался исключительно для технических целей, производство его для питья было запрещено.

19 декабря 1919 г. Совнарком принял постановление “О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ”,[20] которое нередко называют “сухим законом”.[21] Однако, как и в случае с правительственными распоряжениями 1914 г., это постановление нельзя расценивать как намерение властей установить в стране “сухой закон” в полном смысле этого слова: оно не запрещало потребление спиртных напитков вообще и всех, а было направлено, главным образом, на сохранение хлеба и борьбу с тайным винокурением. В документе предусматривались весьма строгие меры к тем, кто самовольно производил или употреблял спиртные напитки. За тайное винокурение, пособничество ему, приобретение, хранение, продажу незаконно произведенной алкогольной продукции предусматривалась конфискация спирта, припасов, аппаратов, всего имущества и лишение свободы на срок не менее 5 лет. Не менее года принудительных работ полагалось за распитие незаконно приготовленных напитков и за появление в публичном месте в состоянии опьянения. Получение спирта для технических целей и экспорта должно было производиться на государственных предприятиях, продажа спирта “для питьевого потребления” воспрещалась. Запрет не распространялся на виноградные вина крепостью до 12°.

---

18. Коржихина, “Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг.”, с. 21.

19. Там же.

20. *СУ РСФСР*, 1920, 1-2: 2.

21. См., например: Шевердин, “От ‘диктатуры трезвости’ к ‘меньшему злу’”, 4:10; Р. Лирмян, “Оправданию не подлежит”, *Коммунист*, № 8 (1985): 112, 117.

В августе 1920 г. были объявлены национальной собственностью все находящиеся на территории РСФСР вина, коньячные и водочные изделия.[22] Порядком распределения и отпуска спиртных напитков, а также упорядочением деятельности спиртоводочных и винных заводов занималось образованное при ВСНХ Центральное управление государственными заводами винокуренной промышленности (Госспирт), работа которого контролировалась правительством.

Как видим, полного запрета на производство и реализацию алкогольной продукции даже в годы "диктатуры трезвости" в Советской России не было.[23] Правда, по сравнению с довоенным уровнем масштабы винокуренного производства были мизерными − 2,5 % от довоенного производства в 1920 г., 4,2 % − в 1921.[24] А среди революционного авангарда продолжали господствовать иллюзии относительно скорой победы над пережитками прошлого. В Программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б) в 1919 г. одной из "ближайших задач" была определена "борьба с социальными болезнями (туберкулезом, венеризмом, алкоголизмом и т.д.)".[25] Октябрьская революция, по мнению большевиков, создала все предпосылки для успешной борьбы с алкоголизмом поскольку "уничтожен дворянско-помещичий класс, интересы которого были связаны с винокуренной промышленностью; открыты пути широкой самодеятельности пролетариата и крестьян" и в целом − "вся советская государственная система является уже сама по себе могучим фактором борьбы с алкоголизмом".[26] При этом не только допускался, но и считался весьма важным для пополнения золотовалютных запасов экспорт национализированных вин дореволюционного производства.

С окончанием гражданской войны и введением в стране новой экономической политики, алкогольная ситуация в стране начинает быстро меняться. Второй этап антиалкогольной борьбы в советском государстве длился примерно десять лет (1921-1930) и имел крайне противоречивый характер, как, впрочем, и вся политика того периода. С одной стороны, борьба с алкоголизмом продолжает выдвигаться как крупнейшая и

---

22. *СУ РСФСР*, 1920, 73: 337.

23. И уж всякого смысла лишено утверждение, что "В России запрещение производства и продажи спиртных напитков было введено в 1914 г. и продолжало действовать до 1925 г." ["Алкоголизм", *Большая Советская Энциклопедия*, 3-е изд. (Москва: БСЭ, 1970), 1: 442-43], хотя оно широко распространено в литературе, см., например: Ю. П. Лисицын, Н. Я. Копыт, *Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты)* (Москва: Медицина, 1983), с. 191; Ф. Г. Углов, "Глядя правде в глаза", *Наш современник*, № 7 (1987): 155; Н. Б. Лебина, *Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-30 гг.* (СПб.: Нева, 1999), с. 26; "Пьют партийцы и комсомольцы, и вс, все", *Исторический архив*, № 1 (2001): 5.

24. Шевердин, "От 'диктатуры трезвости' к 'меньшему злу'", 4: 10.

25. *Программы и уставы КПСС* (Москва: Политиздат, 1969), с. 62.

26. "Алкоголизм", *Большая Советская Энциклопедия* (Москва: БСЭ, 1926), 2: 244-45.

огромной важности задача, а официальное трезвенническое движение приобретает невиданные масштабы (апогей – 1928-1929 гг.). С другой, возобновление производства и продажи алкогольных напитков и введение винной монополии возвращали страну в русло общемирового и отечественного опыта, экономические интересы государства вступали в жесткое противоречие с идеологическими установками большевиков. По сути, инициированное правительством трезвенническое движение призвано было оправдать введение монополии и сгладить противоречия между идеологическими установками и практическими шагами властей. К началу 30-х гг., когда необходимость в оправданиях отпала, трезвенническое движение было ликвидировано. Население же страны, приходя в себя от потрясений революции и гражданской войны, возвращалось в новых условиях к прежним привычкам и традициям, по-своему решая алкогольный вопрос. И в этом плане второй этап, который, перефразируя Сталина, можно назвать периодом перехода к “наименьшему злу”, стал золотым веком советского самогоноварения.

Последним правовым актом эпохи “диктатуры трезвости” можно считать положение, зафиксированное в Плане ГОЭЛРО (1920 г.): “Запрещение потребления алкоголя должно быть проведено и далее в жизнь, как безусловно вредного для здоровья населения”.[27] Однако к весне 1921 г. страна находилась в разрухе, для восстановления хозяйства и борьбы с надвигающимся голодом необходимы были средства. Споры о выборе способов внутреннего финансирования хозяйственного строительства приобретают все большую остроту и в правительственных кругах разворачивается серьезная борьба вокруг вопроса о государственной торговле алкоголем.

Активным противником возобновления казенной продажи питей был Л. Д. Троцкий. Известны и многочисленные высказывания В. И. Ленина против попыток получения прибылей за счет продажи спиртных напитков. Еще в мае 1921 г. на X партконференции в заключительном слове по докладу о продовольственном налоге он категорически заявлял:

> . . . в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму. . . .[28]

Вместе с тем, финансовое положение страны требовало от правительства не пышных фраз, а принятия конкретных решений. Сам Ленин неодно-

---

27. *План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России* (Москва: Политиздат, 1955), с. 174.

28. Ленин, *Полное собрание сочинений*, 43: 326.

кратно в то время пишет о необходимости “скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги”.[29] В октябре 1922 г. в письме, адресованном И. В. Сталину и членам Политбюро,[30] он уже вполне определенно высказывается о винной монополии как средстве, обеспечивающем “золотой приток”, хотя и упоминает о “серьезнейших моральных соображениях” на этот счет.

Характерна для тех лет дискуссия между журналом “Экономист” и газетой “Правда”. В статьях профессора И. X. Озерова “О регулировании денежного обращения” и “Злой рок нашего бюджета” обосновывалось разрешение проблем денежной инфляции путем продажи государством спиртных напитков: “Чистый доход должен составить 250 млн. руб. золотом, а по курсу на вольном рынке − 100 триллионов советских денег. Моральные соображения должны здесь отпасть. . . ”. В сентябре 1922 г. в “Правде” на первой полосе была напечатана гневная отповедь Озерову под громким заголовком “Это не пройдет”.

> Советская власть, которая существует для народа и его хозяйства . . . , − писалось в передовице, − не может становиться на этот гибельный путь уже по одному тому, что в погоне за вилами писаными, или даже верными 250 миллионами, народное хозяйство понесет такие убытки, такие разрушения, которые никакими миллиардами не окупятся. Бедствия от открытия в настоящих условиях продажи водки не выявятся полностью на другой же день, но они неисчислимы . . . . Но одно мы можем сказать с уверенностью: что бы ни предпринимали крепостники и биржевики, какие бы мины они ни подкладывали под эту нашу позицию − позицию трезвости, − им ее не взорвать. . . . Прорыва, который повлек бы за собой сдачу такой командной высоты, какой является для нас народная трезвость, вы нам не устроите. . . . Это не пройдет!.[31]

На самом деле выбор между “экономически выгодно” и “политически верно” в рамках известного ленинского тезиса о взаимоотношении экономики и политики по сути был сделан уже в 1921 г., когда декретом СНК от 9 августа, подписанным Лениным и Н. П. Горбуновым,[32] была разрешена продажа населению виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин крепостью в 14°. В январе 1922 г. для упорядочения деятельности по государственному производству и сбыту вин декретом ВЦИК

29. См., например: там же, 45: 209, 228; 54: 273-74, 283 и др.

30. Там же, 45: 223.

31. Подробнее см.: В. Алешин, “Поле трагической борьбы”, *ЭКО*, № 10 (1985): 145-55.

32. *СУ РСФСР*, 1921, 60: 413. См. также: *СУ РСФСР,* 1921, 68: 543; 80: 690.

образуется Управление государственным виноградарством и виноделием[33] и с этого момента в стране начинается возрождение винодельческой промышленности. В 1922/23 хозяйственном году была проведена и первая пивоваренная государственная компания. Одновременно увеличивались акцизы на технический спирт и пиво для населения.[34]

В 1922 г. была пробита брешь и в запрете 1919 г. на производство спирта для “питьевых нужд”: постановлением СТО “ввиду исключительных условий работы на горных предприятиях и в целях поднятия интенсивности труда шахтеров” было предписано выдавать горнорабочим определенных категорий спирт по нормам, установленным Наркоматом Здравоохранения.[35] Это постановление способствовало увеличению производства спирта, а также свидетельствовало об изменении установок по отношению к алкоголю − идею “умеренного” употребления спиртных напитков начинает защищать даже нарком здравоохранения Н. А. Семашко.[36] В результате только за шесть месяцев 1922 и два месяца 1923 гг. Госспиртом “для питьевого употребления при тяжелых работах” был выделен 371751 градус спирта,[37] то есть 45,7 тыс. л спиртного в перерасчете на абсолютный алкоголь или 114,3 тыс. л сорокоградусной водки. Декрет СНК от 30.01.1923 г. и Постановление ЦИК и СНК от 3.12.1924,[38] разрешавшие изготовление и продажу наливок и настоек сначала крепостью до 20, а затем до 30°, по сути, окончательно дезавуировали декабрьский декрет 1919 г., хотя формально его еще никто не отменял.

Таким образом, правительством на вооружение был взят наиболее легкий и доходный объект налогового обложения − производство и потребление алкоголя. Расширение продажи спиртных напитков было обусловлено и тем, что, во-первых, к этому времени к РСФСР присоединились винодельческие окраины – Крым, Армения, Грузия; и, во-вторых, в условиях разрухи первой могла возродиться не требующая серьезных оборотных средств легкая промышленность, в том числе и пивоваренная.

По мере расширения продажи спиртных напитков росло и потребление их населением. Например, вина, наливок и настоек было продано (в млн. ведер) в 1923 г. − 0,8; в 1924 − 4,1; в 1925 − 20,5; пива: в 1922 − 8,0; 1923 − 17,2; 1924 − 20,6; 1925 − 31,0.[39] Однако потребителей тех лет не

33. *СУ РСФСР*, 1922, 6: 61.

34. *СУ РСФСР*, 1922, 16: 56.

35. *СУ РСФСР*, 1922, 25: 293.

36. Шевердин, “От ‘диктатуры трезвости’ к ‘меньшему щлу’”, 10: 6.

37. *Социалистическое хозяйство*, № 4-5 (1923): 307.

38. *СУ РСФСР*, 1923, 6: 100; *Собрание Законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР* (Далее − *СЗ СССР*) (Москва: Изд. Управлением делами СНК СССР, 1924-37). № 27 (1924), статья 233.

39. А. Г. Пархоменко “Государственно-правовые мероприятия по борьбе с пьянством в первые годы советской власти”, *Советское государство и право*, № 4 (1984): 114-15.

могли, конечно, удовлетворить только дорогие, да для многих и непривычные спиртные изделия. Главным народным напитком в начале 1920-х гг. становится самогон.

Экономической базой для широкого самогоноварения после окончания гражданской войны стали замена продразверстки продналогом и существовавший в то время так называемый феномен "ножниц цен": ввиду большой разницы в цене на промышленные и сельскохозяйственные товары, крестьянам излишки хлеба выгоднее было не продавать на рынке, а перегонять на самогон. Крепость "народного напитка" колебалась от 15 до 60°, а при повторной перегонке достигала 80°, при чем с годами тенденция к изготовлению "крепкого" самогона, особенно для личного употребления, усиливалась.[40] Помимо удовлетворения собственных нужд, самогон являлся выгодным товаром для продажи, а также использовался в качестве эквивалента при торговых расчетах, деловых сделках и т.п.

До 1922 г. милиция, на которую были возложены функции борьбы с контрреволюцией и бандитизмом, практически не контролировала исполнение декрета 1919 г. С переходом к НЭПу репрессии против самогонщиков попытались усилить. Из центра на места шли распоряжения о "проведении антисамогонной кампании в ударном порядке" с организацией массовых облав для обнаружения и разрушения "гнезд винокурения". Судебным органам было дано указание ускорить рассмотрение дел самогонщиков.[41] Объявлялись специальные "двухнедельники и четырехнедельники по борьбе с самогонщиной", приуроченные к рождественским и пасхальным праздникам.

Чтобы стимулировать усердие сотрудников милиции 20 декабря 1922 г. было принято постановление СНК РСФСР, согласно которому в их пользу отчислялась в качестве "открывательского вознаграждения" половина штрафа взысканного с самогонщика.[42] Во многих местах пытались шире привлечь население к выявлению нарушителей закона. В 1923 г., например, в одной из волостей Енисейской губернии действовало следующее постановление:

> Если кто-либо их граждан поймает в своем селе пьяного, то за его счет получает 5 пудов хлеба в награду; если поймает с аппаратом − 10 пудов; если же в данном селе поймает самогонщика гражданин другого села, то ему данное село коллективно выплачивает награду в размере 50 пудов.[43]

40. Д. Воронов, *Алкоголь в современном быту* (Москва-Ленинград: ОГИЗ, 1930), с. 90.
41. НА РК. Ф. 877. Оп. 1, д. 9/159; Ф. 966. Оп. 3, д. 1/1.
42. *СУ РСФСР*, 1923, 1: 7.
43. Мирошниченко, "История борьбы с пьянством и алкогоризмом в 20-30-х говах, "с. 55.

Результаты не заставили себя ждать: если в 1922 г. было обнаружено 94 тыс. случаев самогоноварения и отобрано 22 тыс. самогонных аппаратов, то в 1924 г. эти цифры возросли втрое − 275 тыс. раскрытых случаев самогоноварения и 73 тыс. конфискованных аппаратов.[44] Однако для огромной страны это была капля в море. Только по официальным данным, производством самогона занималось тогда до 8-10 % крестьянских дворов. В 1923 г. сельское население страны (без Дальнего Востока и Закавказья) потребило 24,3 млн. ведер (298,9 млн. л) самогона примерной крепостью в 25°. На его производство было израсходовано продуктов (в переводе на зерно) около 808 тыс. т, в то время как заводская выкурка того же количества хлебного вина потребовала бы лишь 120 тыс. т.[45]

На самом деле в целом ряде регионов самогоноварением занималось до трети всех крестьянских хозяйств. В Иркутской губернии, например, в 1922-23 гг. самогон гнали 36,6 % домохозяев, из них 35 % − для себя, 62 % − для себя и на продажу, остальные − только на продажу.[46] По данным органов безопасности, даже в самых бедных губерниях Европейской России выгонка самогона составляла один из важнейших видов крестьянских промыслов. Так в Псковской губернии в 1923-24 хозяйственном году самогоноварением занималось до 35 % населения, количество перегнанного на самогон хлеба составило до полумиллиона пудов. Прибыль от этого вида деятельности была весьма высокой: себестоимость ведра самогона в деревне составляла 2-3 руб., а продавался он по 10-15 руб.[47] Заметную роль в изготовлении “народного напитка” играли женщины.

Очень скоро стало понятно, что государство проигрывает в этой неравной борьбе и несет существенные финансовые потери, загнав винокурение и торговлю алкоголем в подполье. Да и о последовательном осуществлении мер, предписанных декретом 1919 г. и Уголовным кодексом РСФСР 1922 г. в отношении самогонщиков, говорить не приходится. В 1922 г. в республике было возбуждено более 500 тыс. уголовных дел о самогоноварении.[48] Однако суды в определении меры наказания исходили, как правило, из классовых позиций и, учитывая “культурную отсталость” правонарушителей, назначали сравнительно небольшие сроки или штрафы и предупреждения.[49] Суровые законы военного времени канули в Лету, а Россия возвращалась к своим традиционным представлениям о месте и роли спиртных напитков в жизни общества.

---

44. “Алкоголизм”, *Большая Медицинская Энциклопедия* (Москва: БМЭ, 1928), 1: 438.

45. “Алкоголизм”, *Большая Советская Энциклопедия* (1926), 2: 243-44.

46. *Пьянство и преступность: история, проблемы*, с. 121.

47. См.: *“Совершенно секретно”: Лубянка − Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.)* (Москва: ИРИ РАН, 2001), т. 1, ч. 2: 871, 895; т. 2: 206.

48. Коржихина, “Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг.”, с. 22.

49. Пархоменко, “Государственно-правовые мероприятия по борьбе с пьянством в первые годы советского власти”, с. 114.

Вместе с тем, советская власть породила к жизни и целый ряд новых стимулов к расширению бытового пьянства среди населения. Начиная с 1923 г. в документах органов безопасности, подготавливаемых для высшего руководства страны, появляется все больше материалов о растущем в стране пьянстве и сопровождавших его случаях хулиганства, разбоев и т.д. В Обзорах политико-экономического состояния СССР за 1923-24 гг. неоднократно отмечалось, что в целом ряде мест крестьяне, несмотря на нехватку хлеба, пьют порой даже больше, чем в довоенное время. Особенностью новой деревни было и то, что повсеместно наблюдалось "поголовное пьянство среди членов волисполкомов, сельских милиционеров, деревенских коммунистов и других представителей местной власти". Государство платило своим служащим мизерную зарплату, которую задерживало месяцами, и очень часто сельсоветы, а порой и работники ВИКов сами занимались самогоноварением для получения средств. Во многих местах "ввиду материальной необеспеченности" самогонщикам содействовала милиция.[50] Крестьяне не охотно шли на советскую работу не позволявшую прокормить семью и зачастую местные органы власти формировались просто из маргинальных слоев населения. Как следствие − регулярно фиксировавшиеся надзирающими органами случаи злоупотребления властью, произвола и просто элементарного хулиганства. Вот например, что писалось в отчете ОГПУ за ноябрь 1924 г.:

> Пьянство низового соваппарата отмечается по всем районам Союза. В Центральном районе в одном селе председатель и секретарь сельсовета пьянствуют ежедневно, в другом − местные власти достают самогон бесплатно, покрывая самогонщиков. . . . В Рязанской губ. в некоторых селах крестьяне требовали переизбрания Советов, чтобы избавиться от пьяниц и взяточников. В Верхне-Сосинской вол. Орловской губ. крестьяне по поводу выборов в Советы говорили: "Горькие пьяницы выбирают друг друга". В этой губернии предсельсовета в пьяном виде потерял портфель и наган. Пьянство совработников отмечается также в Тульской, Московской и других районах. В Северо-Западном районе пьянство и дебоши со стороны членов сельсоветов и ВИКов − бытовое явление. В Кипено-Ропшинской вол. Ленинградской губ. предвика принимает посетителей в пивной. В Карелии в Петрозаводском у. в одной из волостей отмечен случай, когда предВИКа в пьяном виде, увидев у одного крестьянина портрет Ленина, с площадной бранью стал топтать его ногами. На Укра-

50. *"Совершенно секретно": Лубянка − Сталину о положении в стране,* т. 1, ч. 2: 895; т. 2: 150-51, 189, 206.

ине в Донецкой губ. предсельсовета, напившись, заставлял крестьян возить его на тачке по селу. . . .[51]

Документы свидетельствуют также о том, что с воцарением мира чрезвычайно широко распространяется пьянство в Красной Армии, особенно среди командного состава.[52] Практически во всех военных округах регулярно фиксировались случаи пьяных разгулов и дебоширства офицеров “вплоть до уличной стрельбы”. На попойки тратились громадные казенные суммы, массовое пьянство в пограничных частях вело к росту контрабанды и шпионажа.

Не менее впечатляющие изменения происходили и в рабочей среде. Если в документах ОГПУ 1922-24 гг. о пьянстве рабочих упоминается еще достаточно редко,[53] то накануне введения водочной монополии ситуация была уже совершенно иная. В справке Информационного отдела ЦК РКП(б), направленной Сталину в августе 1925 г. говорилось о том, что “пьянство среди рабочих масс имеет широкое распространение и за последнее время значительно усиливается, принимая массовый и прогрессивный характер”.[54] Связывалось это с тем, что в рабочих районах с 1923 г. усиленно разворачивалась сеть винной и пивной торговли, кооперативы торговали спиртными напитками даже в кредит, а серьезной борьбы с пьянством почти нигде не велось.

Большей частью рабочие пили в дни получек, а также во время праздников и дней отдыха. Поводов для веселья хватало: выходными днями по-прежнему оставались все крупные религиозные праздники, активно стали отмечать и новые, революционные − 1 мая, 7 ноября и т.д. Возрождались и подзабытые в военное время традиции “первой получки”, “обмывания”, “спрыскивания”, походов в гости и пр. При этом, в отличие от периода “диктатуры трезвости”, пьянство было уже не слишком осуждаемым в пролетарской среде явлением. Лишь среди наиболее сознательной части рабочих отношение к нему, точнее к “тем формам и размерам, которое оно принимало”,[55] оставалось резко отрицательным. Права, полученные простыми трудящимися в результате победы пролетарской революции, о которых так часто твердили людям большевики, понимались в народе предельно просто − они, наконец, имеют право жить так, как считают нужным, как привыкли и с их ценностями должны считаться, даже если они не совпадают с официальными доктринами.[56]

---

51. Там же, 2: 280-81.

52. Там же, т. 1, ч. 2: 873, 897-98, 915, 943; т. 2, с. 49, 65, 81, 129, 293.

53. См.: Там же, т. 1, ч. 2: 866; 2: 259.

54. “Пьют партийцы и комсомольцы, и все, все”, *Исторический архив,* № 1 (2001): 6.

55. Там же, с. 13

56. О культурных моделях и выборах российских рабочих 1920-х гг. (на примере отношения к алкоголю петербургского пролетариата) подробнее см.: L. Phillips, “Message in a

Более того, выпивка становится порой неизменным атрибутом "культурно-массовой работы", которую проводили среди рабочих профсоюзные и партийные органы. Например, в Донбассе, на Красномайском заводе при клубе им. Калинина профсоюзами было устроено рабочее гуляние, сбор от которого должен был поступить в пользу "юных ленинцев". Плата за вход была установлена по 3 руб., причем купившему билет, в качестве премии выдавалась бутылка русской горькой и закуска. В результате этого гулянья в буфете клуба "в кредит" перепились не только заводские, но и рабочие соседней шахты. Пили все и старики, и дети, и начальство, и подчиненные, беспартийные и партийные; женщины напивались до бесчувствия. Эта оргия продолжалась два дня, после чего пьяных развезли на казенных лошадях по домам, а буйных завозили в милицию.[57]

Новые традиции мирно соседствовали со старыми, веками укоренявшимися обычаями. В пасхальные праздники 1925 г. повальное пьянство среди рабочих по всей стране сопровождалось драками и поножовщиной с десятками убитых и сотнями раненных.[58] Вновь женщинам приходилось караулить мужей у проходной в дни получки, вновь растет число пьяных прогулов. В Ленинграде, например, после праздничных загулов на некоторые заводы не являлись по несколько сот рабочих.[59] Появились и приметы нового времени: пить начинают даже на рабочем месте, что вело к росту травматизма, порче материалов, поломке оборудования.

В этих условиях, зная о ситуации в стране, правительство тем не менее делает решительный поворот в своей алкогольной политике. Концепция "наименьшего зла" начала реализовываться уже в 1924/25 хозяйственном году. В октябре 1924 г. пленум ЦК принял решение о введении водочной монополии. По свидетельству Сталина, далеко не все члены пленума были согласны с этим решением и лишь апелляция к авторитету Ленина помогла сломить их сопротивление.[60] 28 августа 1925 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР "О введении в действие положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими", которое вступало в силу с 1 октября 1925 г. на всей территории страны за исключением Закавказской СФСР.[61] Согласно этому положению устанавливалась государственная монополия на производство и продажу крепких спиртных напитков. В продажу выпускалась 40° водка, коньяки и ликеры крепостью до 60°; торговля водкой, водочными изделиями и

Bottle: Working-Class Culture and the Struggle for Revolutionary Legitimacy, 1900-1929", *The Russian Review*, 56 (Jan. 1997); L. Phillips, *Bolsheviks and the Bottle: Drink and Worker Culture in St. Petersburg, 1900-1929* (DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 2000).

57. "Пьют партийцы и комсомольцы, и все, все", с. 8-9.

58. Там же, с. 9.

59. *"Совершенно секретно": Лубянка − Сталину о положении в стране* , 2: 259.

60. И. В. Сталин, *Сочинения* (Москва: Политиздат, 1948), 9: 191-92.

61. *СЗ СССР*, 1925, 57: 425.

коньяком разрешалась как государственным и кооперативным, так и частным торговым заведениям. Производство спирта для изготовления спиртных напитков так же могло осуществляться государственными, кооперативными и частными предприятиями, однако весь произведенный питьевой спирт подлежал сдаче учрежденному при ВСНХ Центральному правлению государственной спиртовой монополии (Центроспирту). Изготовление водки из этого спирта составляло исключительное право государства, но могло производится по контракту на государственных, кооперативных и частных водочных заводах.[62] Таким образом, в СССР была осуществлена реформа по сути аналогичная той, что проводилась царским правительством России при С.Ю. Витте, правда Сталину для этого понадобился 1 месяц, а не 10 лет.

Одновременно, для оправдания действий правительства, Агитпроп ЦК ВКП(б) опубликовал тезисы,[63] в которых выпуск в продажу 40° водки объяснялся необходимостью борьбы с самогоноварением, достигшим угрожающих размеров и продолжающим распространяться “на все более и более широкие слои населения”. Народ убеждали, что правительство вводит водочную монополию на небольшой срок как меру вынужденную, необходимую для экономического подъема страны, не упуская при этом из виду “того вреда, который сопряжен с распространением водки для культурного и экономического роста страны”.

Действительно, самым популярным аргументом в пользу водочной монополии в 1924-25 гг. был тезис о необходимости борьбы с самогоноварением. Тогдашний председатель Совнаркома А. И. Рыков, например, прямо говорил, что к выпуску крепких спиртных напитков, в том числе и “русской горькой” – 20 и 30-градусной водки, прозванной в народе “рыковкой” – правительство побудили “не столько доходные соображения, сколько невозможность . . . победить самогонщика”. “Выпуск водки, − заявлял он, − является одним из способов борьбы с самогоном. . . . Пока мы не можем искоренить всякое потребление водки – лучше давать ее от государства”.[64]

Однако введение водочной монополии привело лишь к временному снижению самогоноварения. Сначала водка продавалась по сравнительно низкой цене − 1 руб. за 0,5 л, торговля пошла бойко и через 2 месяца, с 1 декабря 1925 г. цена была поднята в 1,5 раза.[65] Эта мера снова толкнула деревенского потребителя к самогону и в июле 1926 г. цены на водку были снижены, что усилило “городское” пьянство и не улучшило ситуацию на селе. Большинство населения страны продолжало пить в

---

62. *СЗ СССР*, 1925, 57: 426.
63. Э. И. Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним* (Москва: ОГИЗ, 1929), с. 139.
64. Шевердин, “От ‘диктатуры трезвости’ к ‘меньшему злу’”, 7: 13.
65. Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним*, с. 99.

основном самогон, а не государственную водку, поскольку значительная часть крестьян просто не имела наличных денег, да и многие рабочие предпочитали товар подешевле: средняя зарплата рабочего была 80 р. в месяц, пол-литровая бутылка водки стоила 1руб.10 коп., самогонщики же продавали свою продукцию примерно по 40 коп. за бутылку.[66]

Росту самогоноварения способствовало и крайне противоречивое законодательство на этот счет. Новый Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1926 г., по сути, отменил ст. 140-г УК РСФСР 1922 г. и производство самогона для личных целей теперь не признавалось общественно-опасным явлением. Статья 102 УК РСФСР 1926 г. предусматривала уголовную ответственность в виде лишения свободы или принудительных работ сроком до 1 года только в отношении лиц, изготовляющих и хранящих самогон и самогонные аппараты с целью сбыта, а равно торгующих ими в виде промысла. Делалось существенное послабление для граждан, изготовляющих самогон на продажу "вследствие нужды, безработицы или по малосознательности"; для них предусматривались принулдительные работы на срок до трех месяцев.[67] Правда, 27 декабря 1927 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР, полностью запретившее самогоноварение, хотя бы и без цели сбыта, и внесены соответствующие изменения в 102 и 103 статьи УК РСФСР.[68] Наказания за изготовление самогона для собственного употребления определялись в виде штрафа до 100 руб. или принудительных работ сроком до месяца, но эти меры по сути на практике не применялись.

Уже полгода спустя, циркуляром НКВД от 23 июня 1928 г. было уточнено, что борьба с самогоноварением не распространяется на случаи изготовления, хранения и сбыта "домашних национальных напитков: браги, пива, бузы, арьки и араки". При этом разъяснялось, что

> домашние напитки приготовляются большинством населения, преимущественно из среды трудящихся, почему установление каких-либо мер, направленных к запрещению изготовления этих напитков, повлечет за собой помимо недовольства населения, необходимость производства массовых обысков и тем самым в значительной степени отвлечет милицию от непосредственной работы по борьбе с видами преступности, наиболее затрагивающими интересы широких кругов населения (кража, конокрадство, хулиганство и т.д.).[69]

---

66. Там же, с. 100.

67. Пархоменко, "Государственно-правовые мероприятия по больбе с пьянством в первые годы советской власти", с. 116.

68. *СЗ СССР*, 1928, 2: 14.

69. *Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогоноварением в Советском государстве (1917-1985)* (Москва: Академия МВД СССР, 1988), с. 47-48.

Еще через полгода НКВД сделал уточнение, что не наказывается изготовление домашнего пива и браги только лишь для личного потребления и при крепости не выше 14°. Сбыт тоже допускается, но лишь по случаю, а не в виде промысла. Что касается национальных спиртных напитков типа бузы, араки и др., никаких ограничений не устанавливалось, вплоть до торговли с целью дохода.[70] Была отменена и система премирования сотрудников милиции за раскрытие незаконного приготовления, хранения и сбыта спиртных напитков и спиртосодержащих веществ.[71]

В результате, по данным ЦСУ в 1928 г. 34,6 % всех крестьянских хозяйств гнали самогон для себя со средней выгонкой 59 литров в год, 6,5 % хозяйств производили его на продажу. Общие размеры производства самогона на территории РСФСР превышали тогда 615 млн. литров, на выгонку которого ушло свыше 1384,1 млн. кг различных пищевых продуктов (муки, зерна, картофеля, сахара и пр.). Количество “пьющих” хозяйств по России достигало 84 %, максимальное душевое потребление приходилось на районы так называемой “производящей полосы”. Так, в Пензенской губернии душевое потребление 40° напитков составляло 12,7 л, Центрально-Черноземном районе и Вятской губернии − 11,3 л, в Сибири − 10 л. Лишь в немногих местах (Карелия, Астраханская, Архангельская и Московская губернии) самогон составлял ничтожную часть в структуре потребления алкогольных напитков. Соотношение цен оставалось прежним: в 1927 г. пол-литровая бутылка водки в магазине стоила 1 руб. 08 коп., шинкари продавали ее по 1 руб. 50 коп. − 1 руб. 75 коп., сорокаградусный самогон стоил от 70 коп. до рубля, а меньшей крепости − в среднем 50 коп. В целом по РСФСР душевое потребление алкоголя в деревне в перерасчете на 40° водку к 1928 г. достигло 7,5 л (3 л абсолютного алкоголя), при этом собственно государственная водка составляла лишь одну четверть выпитых на селе крепких напитков.[72] Таким образом, благодаря самогону, уровень потребления алкоголя сельским населением советской России в 1928 г. превысил довоенный почти на 25 %, тогда как городское потребление лишь приближалось к 75 % рубежу от нормы 1913 г.[73]

---

70. Там же, с. 60.

71. *СУ РСФСР*, 1927, 16: 107.

72. См.: Д. П. Родин, “Обследование употребления алкоголя в сельских местностях РСФСР в 1928 г. и его итоги”, в *Алкоголизм в современной деревне* (Москва: Гос. издательство, 1929), с. 14-17, 24-26, 36-46.

73. Рассчитано по: там же, с. 15-17; *Министерство финансов 1904-1913* (СПб.: Ексзудиция заготовления гос. Бумаг, 1914), 121; Э. И. Дейчман и Л. Г. Политов, “Некоторые статистические данные об алкоголизме в нашей стране”, в *Алкоголизм как научная и бытовая проблема* (Москва-Ленинград: Государственное издательство, 1928), с. 239-241. Данные о 50 % превышении довоенной нормы потребления алкоголя на селе, переходящие из книги в книгу с конца 1920-х гг., представляются результатом некорректных расчетов (См.: *Борьба с алкоголизмом в СССР: Материалы Первого пленума Всесоюзного совета*

Самогонный аргумент не мог долго оправдывать алкогольную политику правительства. Нужны были более веские доводы, тем более, что, как отмечал в 1925 г. заведующий агитпропом ЦК А. И. Сырцов, "в рабочих кругах пошли разговоры, что Советская власть встала на путь царского правительства".[74] Вторым и главным аргументом в пользу введения винной монополии стала дилемма, сформулированная Сталиным − либо капиталистическая кабала, либо водка. Осенью 1927 г. в печати был опубликован текст его беседы с иностранными рабочими делегациями. В ответ на вопрос о том, как увязать водочную монополию и борьбу с пьянством, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) заявил: "Партия знает об этом противоречии, и она пошла на это сознательно, зная, что в данный момент допущение такого противоречия является наименьшим злом". По словам Сталина, торговля спиртными напитками − необходимое средство извлечения оборотных средств "для развития нашей индустрии своими собственными силами"; водочная монополия вводилась как временная мера и будет уничтожена "как только найдутся в нашем хозяйстве новые источники для новых доходов".[75] Спустя месяц, в декабре 1927 г. на XV съезде партии, принявшем директивы по составлению первого пятилетнего плана, Сталин, как бы подтверждая выше заявленное, предложил: "Я думаю, что можно было бы начать постепенное свертывание выпуска водки, вводя в дело вместо водки такие источники дохода, как радио и кино".[76] Конечно же говорить о кино как о серьезном источнике дохода в стране, где в тот период было всего 7 тыс. киноустановок[77] можно было только в агитационном запале, но фраза эта многих ввела в заблуждение.

Вопреки заверениям правительства, с отменой запрета на продажу крепких спиртных напитков государственная промышленность, вырабатывающая этиловый спирт, начала бурно развиваться. Только за два хозяйственных года после введения водочной монополии число винокуренных заводов в стране увеличилось более чем в 3 раза.[78] Все большая часть вырабатываемого спирта шла на производство ликеро-водочных изделий и крепленых вин. С 1927 г. Центральное Управление государ-

---

противоалкогольных обществ в СССР, 30 мая – 1 июня 1929 г. [Москва-Ленинград: Государственное Медицинское издательство, 1929], с. 15; Ю. Ларин, *Новые законы против алкоголизма и противоалкоголное движение* (Москва-Ленинград: ВДОБТ: 1929), с. 50; Шевердин, "От 'диктатуры трезвости' к 'меньшему злу'", 10: 7; Протько, *В борьбе за трезвость*, с. 108).

74. *Правда*, 18 декабря 1925.

75. Сталин, *Сочинения*, 10: 232-33.

76. Там же, с. 312..

77. *Пути кино. Первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии*, (Москва: Политиздат, 1929), с. 41-42

78. *Пьянство и преступность: история, проблемы*, с. 124; Лисицын, Копыт, *Алкоголизм (социально-гигиеннические аспекты)*, с. 75.

ственной спиртовой монополии ВСНХ СССР (Центроспирт), после передачи ему всех бывших казенных винных складов и ректификационных заводов,[79] становится крупнейшим монополистом в сфере производства и продажи ликеро-водочной продукции.

Торговля алкоголем, даже несмотря на верность деревни самогону, действительно сразу же становится важным финансовым источником осуществления форсированной индустриализации. Впрочем, власти старались не раскрывать истинные цифры алкогольных поступлений в бюджет. По официальным данным в 1926-27 хозяйственном году поступления от продажи спиртных напитков составили 180 миллионов рублей. Однако осенью 1927 г. Сталин называет другую, значительно большую цифру − более 500 миллионов. В 1927-28 г. официальная статистика говорит о спиртовом доходе в 270 млн. руб., а по подсчетам экономистов Общества борьбы с алкоголизмом он составил 728 млн. руб.[80] Цифра представляется вполне реальной, если иметь в виду, что в соответствии с первым пятилетним планом в бюджет от продажи спиртных напитков должно было поступать около 900 млн. руб. в год.

В результате всего лишь за 5 лет государственные доходы от спиртных напитков возросли в 6 раз и составили 12 % всей доходной части бюджета (см. табл. 1).

Таблица 1. Рост доходов от продажи спиртных напитков в 1923-1928 гг.[81]

79. *СУ РСФСР*, 1927, 24: 162.

80. См.: Сталин, *Сочинения*, 10: 232; Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним*, с. 119, 124; Коржихина, “Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг.”, с. 27; B. M. Segal, *The Drunken Society: Alcohol Abuse and Alcoholism in the Soviet Union* (New York: Hippocrene Books, 1990), с. 48.

81. Составлена по: Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним*, с. 143; Дейчман и Политов, “Некоторые статистические данные об алкоголизме в нашей стране”, с. 224; *Трезвость и культура*, № 17 (1929): 15.

Столь же стремительно росло потребление спиртных напитков населением. Если в 1925 г. среднедушевое потребление в стране составляло примерно 0,88 литра абсолютного алкоголя,[82] то в 1928 г. по РСФСР оно возросло до 3,5 л, превысив даже показатели 1913 г. (3,4 л на сопоставимой территории). Городское население потребляло спиртных напитков почти в два раза больше, чем сельское. При этом в структуре потребления 53,7 % приходилось на самогон, 39,1 % − на казенную водку, остальное − на пиво и вино.[83] Но государство не оставалось в накладе. В 1927/28 хозяйственном году население страны истратило на водку 963 млн. руб., на пиво − 170 млн., на виноградные вина, коньяк и водочные изделия − 130 млн.[84] Около трети доходов государства от продажи спиртных напитков приходилось на пролетариат и почти 40 % − на основную массу крестьянства, т.е. середняков и бедняков.[85] Если с 1925 по 1927 г. бюджет рабочих семей увеличился на 19 %, то расход на алкоголь вырос на 40 %, а расход на культурные потребности снизился на 12 %.[86] Публикуя эти цифры, председатель Всесоюзного совета противоалкогольных обществ Ю. Ларин делал неутешительные выводы: городские рабочие пьют втрое больше городских служащих, сельские служащие − в 4 раза больше середняков. И в целом,

> больше заражены водкой, пивом и вином как раз те слои советских классов, на каких лежат более ответственные задачи. В городе − это основная опора социализма, рабочие. В деревне − служащие совхозов, кооперативов, сельских советов и т.п., то есть работники предприятий − проводников социалистического хозяйства. Наш обобществленный сектор (государственное хозяйство) более страдает от пьянки, чем частное хозяйство.[87]

Последствия увеличения потребления алкоголя не заставили себя ждать. Уже через полтора месяца после вступления в силу водочной монополии, 17 декабря 1925 г., всем краевым, областным и губернским прокурорам и начальникам административных отделов был разослан

---

82. "Алкоголизм", *Большая Медицинская Энциклопедия*, 1: 410.

83. Рассчитано по: Родин, "Обследование употребления алкоголя в сельских местностях РСФСР в 1928 г. и его итоги", с. 16. В литературе встречаются и другие сведения о душевом потреблении алкоголя в стране в 1920-е гг., однако данные, опубликованные Родиным и представляющие собой результаты широкого социологического обследования, охватившего более четверти всех крестьянских хозяйств России, представляются нам наиболее убедительными.

84. Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним*, с. 97.

85. Ларин, *Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение*, с. 3.

86. Ю. Ларин, *Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним* (Москва: ОГИЗ, 1929), с. 14.

87. Ларин, *Новые законы против алкоголизма и противоалкоголное движение*, с. 5.

специальный циркуляр наркоматов внутренних дел и юстиции “О борьбе с пьянством и хулиганством”, необходимость которого была вызвана “чрезвычайным развитием уличного хулиганства и бесчинства лиц, появляющихся в пьяном виде на улицах и иных общественных местах”.[88] О происходивших переменах свидетельствуют цифры, опубликованные сотрудником Института социальной гигиены Э. И. Дейчманом, занимавшимся изучением социальных причин алкоголизма и влиянием его последствий на экономику.

Уже в 1926 г. число преступлений, совершенных в состоянии опьянения, возросло по сравнению с предыдущим годом в городах на 270 %, в селах − на 330 %. Вновь быстро растет количество «пьяных арестов», особенно в больших городах. Например, на улицах Ленинграда в 1923 г. были задержаны в пьяном виде 2 тыс. человек, в 1924 − 11 тыс., 1925 − 33 тыс., 1926 − 95 тыс., 1927 − 113 тыс. За четыре года рост почти в 57 раз! В результате в Ленинграде в 1927 г. 1 задержанный пьяный приходился на 15 жителей всех возрастов или это был каждый четвертый взрослый мужчина. (Напомним, что в начале века в Петербурге один задержанный (в год) приходился на 25 жителей. − И.Т.). В Москве задерживалось ежегодно более 100 тыс. пьяных и это вполне объяснимо: в 1927 г. в столице на 10 тыс. жителей приходилось 0,13 театров, 0,22 кинотеатра, 0,36 библиотек, 0,81 клубов, 1,58 школ, 1,64 церквей и 4,5 точки продажи спиртных напитков. На алкоголь в столице расходовалось тогда 12,7 % семейного бюджета, рабочие проводили 8 час. в месяц в клубе и 32 час. в пивной. В целом по стране число задержанных в нетрезвом состоянии городских жителей доходило ориентировочно до двух миллионов в год, при этом число пьяных на улицах было по крайней мере в 2-3 раза больше числа задержанных. Свыше 80 % задержанных в пьяном виде составляли рабочие, от 5 до 10 % − члены партии и комсомольцы, 8-10 % − женщины.[89]

Вновь начинает расти и число больных алкогольными психозами, резко сократившееся в период мировой войны. В 1913 г. доля больных на почве алкоголизма по отношению ко всем поступившим в психиатрические клиники составляла 19,7 %. В 1915-1920 гг. психические заболевания на почве пьянства встречаются в единичных случаях, однако с 1922 г. начинается их быстрый рост: 1923 г. − 2,4%, 1924 − 5,5 %, 1925 − 7,2 %, 1926 − 9,4 %.[90] Экономический ущерб от пьянства подсчитать сложнее, тем не менее, по оценкам Дейчмана,[91] в 1927/28 хозяйственном году

---

88. *Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогоноварением в Советском государстве*, с. 33-34.

89. Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним*, с. 118-24, 127-30, 140-42, 161-62.

90. Там же, с. 122.

91. Там же, с. 119.

при доходе от реализации спиртных напитков в 728 млн. руб. государство от прогулов, снижения производительности труда и других последствий пьянства понесло убытков на 1270 млн..

И в целом, исследования социально-гигиенического характера, проведенные учеными во второй половине 1920-х гг., дают довольно широкую картину изменений происходивших в советском обществе после 1925 г. Главный вывод исследователей заключался в том, что пьянство повсеместно "принимает небывалые размеры", за рекордно короткий срок − 3 года − достигнут довоенный уровень потребления спиртных напитков и он растет "из года в год". Ученые отмечали также, что формы, причины пьянства и питейные традиции повсюду − и в городе, и на селе − несут на себе черты старого довоенного алкоголизма, однако размах приобретает несоизмеримые масштабы. На селе традиционно 50 % всего потребляемого алкоголя приходилось на бытовое пьянство − пьянство в широком масштабе, происходившее в силу веками установившихся обычаев (на свадьбах, похоронах, крестинах и пр. праздниках). Еще 25 % выпивки составляли так называемые "магарычи" − попойки при различных сделках и на сельских сходах. Среди городских рабочих так же продолжали соблюдаться питейные традиции, но менялись они быстрее, чем на селе. Так, в Ленинграде основная масса рабочих − 56 % − пила по праздникам и во время получек. Но очень большая часть − 38,5 % − выпивала независимо от этих моментов, при чем 12,5 % − ежедневно. Интересно, что данные в отношении алкоголизма среди рабочих различных регионов и отраслей промышленности не слишком разнятся, особенно в Европейской части РСФСР, будь то огромный Ленинград или, скажем, провинциальный Луганск. В обоих городах, например, расходы на алкоголь в среднем составляли св. 8 % от заработной платы. Повсеместно в промышленности доля пьющих рабочих в среднем равнялась 90 % и, судя по материалам Москвы, Ленинграда, некоторых других крупных городов, число запойных алкоголиков, нуждающихся в лечении, могло доходить до 10 % от всех взрослых мужчин-рабочих, то есть составлять примерно 700 тыс. человек. Больше всего ученых волновало то, что пьянство ежедневное, хроническое, растет быстрее, чем пьянка по случаю (праздник, получка), и население считает это вполне допустимым.[92]

92. Подробнее см.: Д. П. Родин, "Обследование употребления алкоголя в сельских местностях РСФСР в 1928 г. и его итоги"; Э. И. Воронов, "Анализ деревенского алкоголизма и самогонного промысла", *Вопросы наркологии*, № 1 (1926); Б. Ф. Дитрихсон, "Алкоголизм Ленинграда в 1927 году", *Ленинградский медицинский журнал*, № 7 (1928); А. Ковалевский, "Алкоголизм в Луганском округе", *Профилактическая медицина*, № 11 (1928); З. А. Гуревич, А. З. Залевский, *Алкоголизм (социально-гигиеническое исследование)* (Харьков: Украинское государственное издательство, 1930); L. Phillips, *Bolsheviks and the Bottle: Drink and Worker Culture in St. Petersburg, 1900-1929*.

Еще в предреволюционные годы специалисты по борьбе с алкоголизмом хорошо изучившие быт русского народа настаивали на необходимости принятия долговременной научно обоснованной государственной антиалкогольной программы. При этом предпочтение должно было отдаваться мерам профилактического, культурного, воспитательного и образовательного характера, мерам по разумному ограничению потребления алкоголя. Ориентация на запреты и жесткие ограничения не только не обеспечивает устойчивого успеха в борьбе с пьянством, но и, как правило, порождает дополнительные трудности, усложняет решение проблемы.

В принципе, в этом же направлении предполагалось строить и советскую антиалкогольную политику на новом этапе. "Повышение культурного уровня населения города и деревни", так же как "энергичная борьба за решительное переустройство быта, борьба за культуру, против пьянства" были объявлены на XV съезде партии (1927 г.) одним из условий индустриализации страны.[93] Работу намечалось вести по трем линиям: сокращение производства и продажи спиртных напитков, активизация лечебно-предупредительных мероприятий, улучшение культурно-просветительской работы. На самом деле все в конечном итоге свелось даже не к лечебно-предупредительным а к лечебно-принудительным мерам.

В целях сокращения потребления алкоголя населением 4 марта 1927 г. Совнарком РСФСР издает постановление "О мерах ограничения продажи спиртных напитков".[94] Этим постановлением была запрещена продажа спиртных напитков малолетним и лицам, находящимся в состоянии опьянения, торговля алкоголем в культурно-просветительских учреждениях и организациях, а главное − вводилось право местного запрета на водку.

Последствия не замедлили сказаться. По всей стране местные власти, обеспокоенные размахом пьянства рабочих и срывами производственных планов, начинают вводить запреты на торговлю крепкими напитками. В целом ряде районов Архангельской губернии, республики Коми, Якутии, Бурятии, Сибири и Дальнего Востока право на местные запреты ввоза и продажи спиртных напитков было подкреплено специальным правительственным постановлением.[95] В Якутии и на Камчатке, например, торговля алкоголем запрещалась практически повсеместно, за исключением районов приисков. В результате, наряду с увеличением самогоноварения, у властей появляется новая головная боль − бурный рост шинкарства в городах, то есть тайной продажи спиртных напитков, глав-

93. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК,* (Москва: Политиздат, 1953), 2: 345-46.

94. *СУ РСФСР*, 1927, 24: 158.

95. *СУ РСФСР*, 1927, 48: 319.

ным образом казенной водки. По данным НКВД РСФСР, к концу 1928 г. число выявленных случаев шинкарства возросло по сравнению с 1926 г. в 3 раза.[96]

Более успешно шла работа по линии "активизации лечебно-предупредительных мероприятий". Уже в сентябре 1926 г. СНК РСФСР принял постановление "О ближайших мероприятиях в области лечебно-предупредительной и культурно-просветительной работы по борьбе с алкоголизмом".[97] Наркомату здравоохранения предлагалось усилить изучение вопросов профилактики и лечения алкоголиков через сеть нервно-психиатрических учреждений. Трем наркоматам (здравоохранения, юстиции и внутренних дел) было предложено разработать меры принудительного лечения, а Наркомздараву и Наркомпросу при участии ВЦСПС − меры по усилению просветительской деятельности. В частности, для усиления антиалкогольной пропаганды предлагалось ввести в программу школ всех ступеней сведения о вреде алкоголя, выпустить антиалкогольную литературу и развернуть соответствующую пропаганду в избах-читальнях, клубах, красных уголках, а также во всех средствах массовой информации. Организовывать и координировать эту работу должны были специальные Комиссии по вопросам алкоголизма, создаваемые при исполкомах всех местных советов.[98]

Инструкция, разработанная комиссариатами юстиции, здравоохранения и внутренних дел, "По применению принудительного лечения алкоголиков, представляющих социальную опасность",[99] вступила в силу весной 1927 г. Такому лечению подлежали лица,

> обнаруживающие на почве алкоголизма явления психического расстройства; злоупотребляющие алкоголем и систематически нарушающие порядок, препятствующие работе и угрожающие безопасности семьи и окружающих; в состоянии острого опьянения или хронического пьянства расточающие или разрушающие имущество.

Принудительное лечение должно было осуществляться в амбулаторных или стационарных учреждениях системы здравоохранения. В отличие от более поздних правил, назначение принудительного лечения можно было опротестовать. В Москве к середине 1929 г. было открыто уже около тридцати специальных противоалкогольных диспансеров.[100] Сеть наркодиспансеров быстро росла по всей стране, и за небольшой проме-

---

96. Воронов, с. "Анализ деревенского алкоголизма и самогонного промысла", с. 121.

97. *СУ РСФСР*, 1926, 57: 447.

98. *СУ РСФСР*, 1927, 46: 307.

99. *Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогоноварением в Советском государстве*, с. 39-41.

100. Коржихина, "Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг.", с. 31.

жуток времени в полтора года в них побывало около 20 тыс. алкоголиков.[101]

14 ноября 1931 г. в Ленинграде на ул. Марата (дом № 79) был открыт первый в стране медицинский вытрезвитель, в задачи которого входили кратковременная изоляция людей, задержанных в нетрезвом виде, и оказание им медицинской помощи “с целью скорейшего вытрезвления”. При этом долго дебатировался вопрос, что делать с отобранными у пьяных спиртными напитками. Решение оказалось весьма гуманным: в марте 1932 г. был принят специальный циркуляр Главного управления милиции при СНК РСФСР, в котором говорилось, что “указанные спиртные напитки подлежат возврату их владельцам по вытрезвлении”.[102]

Параллельно с административными, медицинскими и уголовно-правовыми мерами с 1928 г. резко активизировалось и трезвенническое движение. В литературе можно встретить мнение о том, что импульсы борьбы за трезвый быт в 1920-е гг. шли снизу, и создание Всесоюзной организации стало результатом широкого движения народных масс.[103] Это не так. Как и в царской России, самыми активными инициаторами антиалкогольных кампаний были медики. Еще в 1924 г., по инициативе врачей, в разных районах страны стали создаваться на общественных началах “группы по борьбе с наркотизмом”, которые затем выросли в общественные Комиссии по оздоровлению труда и быта (КОТИБы). Члены этих комиссий, получившие название “наркодружинников”, организовывали “показательные суды” над алкоголиками, противоалкогольные вечера, с обязательным докладом в программе и “живой газетой” местного коллектива самодеятельности. В 1925 г. по инициативе Мосздравотдела в Москве начал выходить журнал “За новый быт”, в задачи которого входило привлечение внимания общественности, в частности, и к алкогольной проблеме. На протяжении двух лет журнал печатал материалы на эту тему под броскими заголовками: “Сорок градусов и рабочие”, “На противоалкогольном фронте”, “На борьбу с дурманом”, “За трезвый быт”.[104] Однако собственно “государственным делом” трезвенническое движение становится лишь после XV съезда ВКП(б).

---

101. *Борьба с алкоголизмом в СССР*, с. 42.

102. *Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогоноварением в Советском государстве*, с. 75-76. По данным журнала “За новый быт” прототипы будущих медицинских вытрезвителей впервые появились в Москве уже в конце 1928 г. (Коржихина, “Борьба с алкоголизма в 1920-е – начале 1930-х гг.”, с. 31). До начала 1930-х гг. в городах страны, как и до революции, при городских и районных отделах милиции существовали “камеры для вытрезвления”.

103. См., например: С. Шевердин, “Год незнаменитого перелома”, *Трезвость и культура*, № 9 (1989): 17; *Трезвый быт: Сборник очерков, статей и рассказов из антиалкогольной печати 20-30-х годов* (Москва: Физкультура и спорт, 1987), с. 13.

104. Коржихина, “Борьба с алкоголизма в 1920-е – начале 1930-х гг.”, с. 23-24.

16 февраля 1928 г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов на собрании "энтузиастов противоалкогольной борьбы" было создано Общество по борьбе с алкоголизмом (ОБСА). Учредителями его стали советские, партийные, комсомольские работники, представители Наркомздрава, Мосздравотдела, Наркомторга, ученые и др. (например, среди учредителей были такие известные в стране люди как Н. Подвойский, М. Буденный, Д. Бедный, Вс. Иванов, В. Маяковский). Целью общества была "помощь Советской власти в развитии культуры быта и борьбе с алкоголизмом как социальным злом". За первый год его существования было создано более 150 местных (губернских, окружных) антиалкогольных обществ; центральным, координирующим их деятельность органом стал в 1928 г. Всесоюзный Совет противоалкогольных обществ (ВСПО) СССР, в который вошли представители ЦК ВКП(б), ЦК комсомола, ВЦСПС, союзных республик, наркоматов здравоохранения, просвещения, труда, народного хозяйства и т.д. Председателем совета был избран экономист Ю. Ларин, видный в прошлом участник революционного движения, секретарем − активист антиалкогольной борьбы с дореволюционным стажем врач Э. И. Дейчман.[105] Основными направлениями деятельности общества были: мероприятия по ограничению производства и торговли спиртными напитками, борьба с самогоноварением и шинкарством, культурно-бытовое отвлечение населения от пьянства, медицинская помощь страдающим алкоголизмом. В июне 1928 г. вышел в свет первый номер всесоюзного журнала "Трезвость и культура".[106] В издании публиковались официальные материалы о жизни общества, сообщения с мест, агитационные, пропагандистские материалы, объявления и т.п.

Усилиями ОБСА по всей стране разворачивается широкая антиалкогольная кампания, проходившая шумно, но недолго. Формы антиалкогольной работы были самые разные. Только с августа 1928 по январь 1929 г. местными противоалкогольными обществами в 103 городах были организованы демонстрации трудящихся против пьянства и алкоголизма, в 58 − рабочие конференции по борьбе с алкоголизмом, в 5 − начато преподавание антиалкогольных курсов в школе, в 116 − приняты постановления местных органов власти об ограничении времени и мест торговли спиртными напитками.[107]

За 1928-29 гг. было организовано и около 200 детских демонстраций против пьянства и алкоголизма взрослых. В городах и поселках страны колонны детей несли лозунги "Вылить всю водку!", "Требуем трезвых

---

105. Е. И. Лотова, А. В. Павлучкова, "К истории создания и деятельности Всесоюзного общества борьбы с алкоголизмом", *Советское здравоохранение*, № 2 (1972): 65-67; Коржихина, "Борьба с алкоголизма в 1920-е – начале 1930-х гг.", с. 24-25; Протько, *В борьбе за трезвость*, с. 114-16.

106. Всего вышло 6 номеров в 1928 г., 24 − в 1929 и 8 − в 1930 (объем 12 стр.).

107. Ларин, *Алкоголизм промышленных рабочих*, с. 34.

родителей!”, “Папа, не ходи в монопольку, неси деньги в семью!” и даже “Расстреливать пьяниц!”. В Иркутске в таком шествии участвовало 15 тыс. детей. Развивалась практика созыва антиалкогольных конференций, таких как “пьющие девушки” (впервые проведена в Выборгском р-не Ленинграда), “пьющая молодежь”, “пьющие слесари”, “пьющие сезонники” и т.п. Через печать бросившие пить посылали “вызовы” своим пьющим приятелям, заключались “социалистические договоры за трезвость”, пари на сроки воздержания от алкоголя и т.п. Например, рабочий и крестьянин в одном из приволжских сел заключили между собой договор, с условием, что если одна из сторон не удержится от выпивки, то платит штраф в виде покупки знамени за 15 руб. для пионерского отряда. Получили ли пионеры знамя осталось неизвестным. Совершались рабочие антиалкогольные походы из городов в деревни; на Украине возник первый антиалкогольный театр; 4 деревни под Харьковом объединились в сельхозартель имени “Общества борьбы за трезвость”. Весьма распространены были плакаты например такого содержания: “Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!”.[108] Антиалкогольные походы, курсы, живые газеты, представления, показательные суды над пьянством, наглядная агитация во всех видах на короткое время стали доминантой в культурной жизни больших городов и поселков.

ОБСА вело широкую издательскую деятельность. Массовыми тиражами издавались листовки, плакаты, антиалкогольные брошюры, материалы для агитаторов и пропагандистов. В 1930 г. была выпущена до сих пор единственная в своем роде хрестоматия “Алкоголизм в художественной литературе”, составленная из произведений классиков российской и зарубежной литературы, таких как Крылов, Некрасов, Чехов, Толстой, Мопассан, Маяковский и др. Во введении составители так обосновывали необходимость подобного рода изданий:

> Противоалкогольному оружию нужно придать эмоциональность, яркость воздействия, ту силу образности, которая действительно потрясала и не оставляла равнодушным слушателя к проблеме борьбы с алкоголизмом. Художественная литература . . . должна сыграть видную роль в деле мобилизации мнения трудящихся против алкоголя.[109]

Несмотря на усилия руководителей ОБСА трезвенническое движение не стало массовым, численность общества к 1929 г. достигла лишь 250 тыс. членов. Главным образом это были рабочие с большим производ-

---

108. Подробнее см.: *Трезвый быт*, с. 52-56, 67-74, 85-87 и др.

109. *Алкоголизм в художественной литературе. Хрестоматия* (Москва-Ленинград: Учпедгиз, 1930), с. 5.

ственным стажем, молодежи в обществе было мало.[110] Аскетические лозунги (“Алкоголизм и социализм не совместимы!”, “Изгоняй, кто поит, выгоняй, кто пьет!”, “Даешь получку без вина!” и т.д.), как и конечная цель движения − борьба не со злоупотреблением, а вообще с употреблением, т.е. борьба за трезвость, не могли привлечь много сторонников. Ценности “продвинутых” рабочих были далеки абсолютному большинству российских мужчин, которые продолжали пить и считали это правильным.[111] Да и с точки зрения властей радикализм лидеров трезвеннического движения вскоре стал серьезной помехой на пути к “большому скачку” в индустриализации и построении социализма.

Действительно, уже во второй половине 1928 г. ОБСА удалось добиться того, что в 120 городах России были приняты различные постановления городских или районных исполкомов по вопросам алкоголизма. В Ленинграде, например, решением Ленсовета от 5 августа 1928 г. была запрещена торговля спиртными напитками по праздникам. Со второй половины 1928 г. по настоянию Общества начинает свертываться торговля водкой в рабочей кооперации. Затем и Моссовет принял решение о сокращении продажи водки на 30 тыс. гектолитров.[112]

29 января 1929 г. СНК РСФСР издал декрет “О мерах по ограничению торговли спиртными напитками”,[113] в основу которого были положены предложения, разработанные активистами ОБСА.[114] Декретом запрещалось открытие новых торговых точек по продаже водки в промышленных городах и рабочих поселках, торговля ею во все праздничные и предпраздничные дни, дни отдыха и накануне их, а в районах расположения предприятий − и в дни зарплаты. Продажа водки и водочных изделий запрещалась в буфетах клубов, государственных и общественных организаций, театров, кинотеатров, в общежитиях, банях, садах, парках, местах гуляний, столовых, закусочных. Полностью воспрещалась алкогольная реклама в печати и в общественных местах. Горсоветам и Советам рабочих поселков предоставлялось право закрывать любое место продажи алкоголя как по ходатайству рабочих организаций, так и по собственной инициативе. Горсоветы обязывались закрыть все места прода-

110. Ларин, *Алкоголизм и социализм*, с. 37-38; *Борьба с алкоголизмом в СССР*, с. 10-11.

111. В этой связи можно поспорить с мнением Лауры Филлипс относительно того, что в случае с пьянством “отказ государства от ценностей ‘рядовых’ был твердым”. Пьянство “сравнивалось с контрреволюцией, а пьяницы с врагами государства” лишь в годы “диктатуры трезвости”. В дальнейшем установки борьбы с этим “социальным злом” существенно меняются, а затем и вовсе растворяются в лозунгах движения “За здоровый быт”. (См.: L. Phillips, “Message in a Bottle: Working-Class Culture and the Struggle for Revolutionary Legitimacy, 1900-1929”, с. 30-32).

112. Ларин, *Новые законы против алкоголизма*, с. 7-8, 16, 20.

113. *СУ РСФСР*, 1929, 20: 224.

114. См.: Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним*, с. 175-93.

жи водки в непосредственной близости к казармам и биржам труда; с учетом местных условий совет мог ограничить часы торговли водкой.

Постановление, наносящее серьезный урон экономике, естественно, было подвергнуто ревизии очень быстро. 28 апреля 1929 г. СНК РСФСР принимает другой, не подлежащий опубликованию, документ “О мерах по борьбе с самогоноварением и шинкарством”. В нем СНК автономных республик, краевым, областным и губернским исполнительным органам предлагалось “принять меры к тому, чтобы: а) нижестоящие исполкомы и сельсоветы не закрывали лавок Центроспирта в сельских местностях и не препятствовали возобновлению торговли хлебным вином в ранее закрытых сельских лавках . . . ; б) нижестоящие органы власти не препятствовали торговле хлебным вином из лавок потребкооперации там где нет лавок Центроспирта; в) на организации рабочей потребкооперации не возлагалось обязательств дальнейшего сокращения пунктов продажи хлебного вина”. Местные органы не должны были препятствовать центральным властям в расширение сети пунктов продажи хлебного вина “в тех случаях, когда оно вызывается необходимостью борьбы с самогоноварением и шинкарством”. Общее количество, а также условия открытия новых лавок Центроспирта в сельских местностях устанавливалось Наркоматом торговли по соглашению с Наркомфином.[115] Другой документ, от 11 мая, вносил конкретные изменения непосредственно в январское постановление.[116] Так, из перечня напитков, запрещенных к продаже у казарм и бирж труда, хлебное вино исключалось; торговля водочными изделиями и пивом воспрещалась лишь в дни революционных праздников. Запрет алкогольной торговли в фабрично-заводских районах в дни зарплаты ограничивался двумя днями в месяц. Предусмотренные ограничения в отношении виноградного вина не распространялись на районы промышленного виноделия.

И в целом 1928-1929 гг. были главными в плане окончательного формирования советской государственной алкогольной политики. Краеугольным камнем в борьбе за культуру и трезвый быт продолжал оставаться политический постулат большевиков о несовместимости алкоголизма и социализма. Вместе с тем, алкоголизм, наряду с нищенством, беспризорностью и проституцией, определялся теперь не как “социальный паразитизм” (явление не совместимое с принципами строящегося социалистического общежития − определение времени военного коммунизма), а как “социальная аномалия”,[117] т.е. явление, по сути уже не типичное

---

115. ГАНИ РК. Ф. 3, оп. 2, д. 327, л. 66; *СУ РСФСР*, 1929, 30: 360.

116. Там же, л. 66 об.; *СУ РСФСР*, 1929, 39: 403.

117. Г. А. Бордюгов, “Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20-30-е годы)”, *История СССР*, № 1 (1989): 66.

для нового общества, быстро изживаемое и не заслуживающее пристального внимания со стороны государства. Инициирование всплеска антиалкогольной агитации понадобилось властям для того, чтобы отвлечь внимание общества от серьезных изменений в алкогольной политике. Борьба, продолжавшаяся в правительственных кругах вокруг вопроса о казенной продаже питей, закончилась полной победой тех, кто, по выражению Сталина, готов "чуточку выпачкаться в грязи ради победы пролетариата и крестьянства".[118] Наиболее драматичные события развернулись вокруг принятия первого пятилетнего плана.

В начале 1929 г. состоялось совещание в Госплане СССР, в котором приняли участие и представители ОБСА. Образованная по настоянию Общества Комиссия для рассмотрения вопроса о водочном доходе в пятилетнем плане констатировала, что "доход от спиртных напитков не может в перспективе представлять для государства с народнохозяйственной точки зрения сколько-нибудь эффективного источника накопления". В результате Госпланом СССР во главе с Г. М. Кржижановским был разработан весьма радикальный план дезалкоголизации экономики и торговли, который был утвержден на V Всесоюзном съезде Советов (май 1929 г.) как составная часть первой пятилетки. Выступая на съезде, Г. М. Кржижановский привел конкретные расчеты об уменьшении душевого потребления водки в городах СССР на ближайшие пять лет на 70 %, а в сельской местности – примерно на 10 %.[119]

Антиалкогольной программе первой пятилетки не суждено было сбыться. Решения съезда подверглись ревизии уже летом 1929 г., когда Наркомфин, Центроспирт и Наркомторг приступили к разработке планов увеличения производства и реализации алкогольной продукции. По государственному плану на 1929-1930 гг. производство водки должно было снизится на 60 млн. л, однако этого не произошло: Наркомфином были утверждены прежние цифры производства – 550 млн. л. Активисты ОБСА попытались воспрепятствовать этому решению, организовав на крупных предприятиях собрания протеста с принятием резолюций, осуждающих увеличение выпуска водки. 13 сентября 1929 г. делегация рабочих посетила Кржижановского и передала резолюцию с протестом против политики Наркомфина. Кржижановский заверил членов делегации, что Госплан будет отстаивать утвержденные XVI партконференцией и V съездом Советов решения о снижении уровня производства водки. Это были пустые обещания. На ноябрьском пленуме ЦК, утвердившем контрольные цифры развития народного хозяйства на 1929/30 г., программа свертывания алкогольной промышленности фактически была отменена. В жизнь претворялись сталинские негласные установки о необ-

118. Сталин, *Сочинения*, 9: 192.
119. Бордюгов, "Социальный паразитизм или социальные аномалии?", с. 67-68.

ходимости наращивания алкогольного производства в целях дальнейшего развития экономики и обороны страны.[120]

В начале 1930 г. был распущен Всесоюзный совет противоалкогольных обществ и удалены от трезвеннической работы его руководители − председатель Ю. Ларин, секретарь Э. Дейчман, главный редактор “Трезвости и культуры” Б. Волин и др. Их активная борьба в защиту решений V съезда Советов была расценена как “антиправительственная демагогия”. Руководство ВСПО и ОБСА обвинялось в “увлечении администрированием, непьющими кампаниями”, пособничестве правой оппозиции. Поскольку Наркомфин, Наркомторг, Госплан − “органы пролетарской диктатуры”, критика их деятельности по увеличению выпуска водки была признана “грубой политической ошибкой”.[121]

26 апреля 1930 г. постановлением НКВД РСФСР был аннулирован устав российского Противоалкогольного общества и оно было реорганизовано в Московскую областную организацию, потеряв всероссийский статус.[122] ОБСА формально продолжало существовать под руководством Н. А. Семашко и секретаря Московского антиалкогольного общества В. П. Вознесенского, однако главной его задачей теперь была “борьба за новый быт”, местные отделения общества должны были стать массовыми культурно-просветительными организациями. При этом выдвигался тезис “Социализм и социалистический быт уничтожат пьянство”. Считалось, что разрешение алкогольной проблемы произойдет само собой, по мере роста благосостояния людей, их культурного уровня.

С этого же времени журнал “Трезвость и культура” начинает выходить под новым названием “Культура и быт”. Изменилось и содержание издания: вопросы борьбы с алкоголизмом занимают на его страницах все меньше места. В 1931 г. журнал выходил как орган ВЦСПС и ОБСА, в 1932 г. был объединен с изданием “Культурная революция” (орган ВЦСПС), с 1933 г. выпуск журнала прекратился. В 1932 г. прекратило свое существование и ОБСА, растворившись в более широком обществе “За здоровый быт”. Новая организация, деятельность которой не была отмечена сколько-нибудь значительными мероприятиями, объединила Союз безбожников, ОБСА и общество “Долой неграмотность”.

Со страниц центральной и местной периодической печати тема борьбы с пьянством начинает сходить уже с 1930 года. Меняется и медицинская трактовка заболевания алкоголизмом: в 1930-е гг. исследовалось

---

120. *Stalin’s Letters to Molotov. 1925-1936* (New Haven, CT: Yale Univ/ Press, 1995), с. 209. См. также: T. Vihavainen, “Svaboodasoltusta stahanovilaiseksi. Sosialismin etujoukon muuttuva hahmo 1920-1930-luvulla”, . . . *Vaikka voissa paistais? Venäjän rooli Suomessa* (Porvoo: WSO, 1998), с. 312-13.

121. *Трезвость и культура*, № 1 (1930): 4.

122. *Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогоноварением в Советском государстве*, с. 72.

влияние спиртного только на психику человека. Алкоголь был признан годным для лечебного применения как лекарственное средство, в связи с этим велись интенсивные поиски заболеваний, поддающихся лечению алкоголем.[123] Экономические и социальные причины алкоголизма не исследовались, статистические данные о производстве и потреблении спиртных напитков, последствиях пьянства не публиковались.

Государство между тем продолжало наращивать выпуск и продажу крепких напитков, совершенствовать систему управления спиртовой и спиртоводочной промышленности. В 1929 г. было произведено укрупнение винокуренной промышленности России, все производство было подчинено пяти отраслевым трестам − Ленинградскому, Уральскому, Средне-Волжскому, Дальневосточному и Северо-Кавказскому.[124] Три года спустя подобной реорганизации была подвергнута спиртовая промышленность уже всей страны. В сентябре 1932 г. Союзспирт (бывший Центроспирт) был преобразован в Главное управление спиртовой промышленности при Народном комиссариате снабжения СССР – Главспирт.[125] Новая структура создавалась для улучшения руководства спиртовой промышленностью, увеличения темпов ее реконструкции и развития, в ее подчинение входил 21 отраслевой трест, а также трест Спиртстроймонтаж − для строительства и монтажа новых заводов. Этим же постановлением с 1 октября 1932 г. устанавливались специальные отчисления в размере 50 коп. с каждого декалитра произведенного безводного спирта, из которых 37,5 коп. шли в районный бюджет, 12,5 коп. − в республиканский и краевой бюджеты. Данная мера призвана была стимулировать заинтересованность местных советов в выполнении плана производства и продажи алкогольных напитков. Среди ударных строек 1933 г. были названы строительство винокуренных заводов в Петровске (Саратовская обл.) и Сясьске (Ленинградская обл.).[126]

Естественно, что производство водки и водочных изделий постоянно нарастало: 1930 г. − 618 млн. л, 1933 − 700, 1936 − 776, 1939 − 1 095 млн. Л.[127] Совершенствовалась и система продажи алкогольных напитков. К 1940 г. число только специализированных винно-водочных магазинов составило 3 750, превысив в 2 раза и более магазины, специализировавшиеся на продаже овощей, мяса, рыбы, молока.[128]

На новом этапе, начавшемся в 1930-е гг. (и продолжавшемся, по сути, до 1980-х гг.), главным средством борьбы с пьянством и алкоголизмом стали судебно-административные меры. Для пресечения распростране-

---

123. Протько, *В борьбе за трезвость*, с. 126-27.
124. *СУ РСФСР*, 1929, 24: 261.
125. *СЗ СССР*, 1932, 69: 411.
126. *СЗ СССР*, 1933, 3: 181.
127. Segal, *The Drunken Society*, c. 71.
128. *Народное хозяйство СССР в 1959 г.* (Москва: Статиздат, 1960), с. 686.

ния пьянства на производстве, укрепления трудовой дисциплины, были ужесточены наказания за прогулы: прогульщики лишались льгот на производстве, могли быть уволены за один прогул с работы, выселены из ведомственной квартиры.[129] В разработанных и утвержденных СНК уставах о дисциплине рабочих и служащих нахождение на службе в нетрезвом состоянии для некоторых профессий расценивалось как тягчайшее нарушение дисциплины и наказывалось приданием суду. Данные об алкогольной ситуации в стране переводятся в ранг секретных, официальная же статистика бодро рапортует о победах на антиалкогольном фронте и о постоянном снижении потребления спиртных напитков в стране: 2,8 л литра абсолютного алкоголя на человека в год в 1935-37 гг., от 2,5 до 1,9 л по разным оценкам в 1940 г.[130]

На самом деле, с отменой карточной системы (на спиртные напитки карточки не вводились), застольные традиции, продолжавшие жить в обществе, расцветают с новой силой. Водка продавалась свободно и была доступна многим: при среднемесячной зарплате по стране 331 руб. она стоила в среднем 6 руб. 15 коп. за бутылку.[131] Люди привычно ходили в пивные и рестораны, пиво и даже крепкие напитки продавались в столовых предприятий и учреждений, театральных буфетах и т.д. Причины продолжавшегося в стране роста бытового пьянства, как и раньше, в различных слоях общества были разными. Для одних − официальная элита советского общества (герои, стахановцы, передовики производства) − уже вполне признанные и становящиеся повседневностью праздничные застолья с тостами, песнями, танцами представлялись действительно знаковыми явлениями новой веселой и зажиточной жизни при социализме. Для других − в большей степени это относится к партийной и государственной номенклатуре, как самого высшего звена, так и районного масштаба − употребление и злоупотребление алкоголем (в принципе порицаемое партией, но по сути уже не наказуемое) становится отдушиной, попыткой отвлечься от этой самой повседневной и очень опасной борьбы за социализм, приобретает черты ретретизма, ухода от действительности. Большинство же населения страны, просто продолжало следовать вековым традициям, удовлетворяя при помощи застольного общения

129. *СЗ СССР*, 1932, 78: 475.

130. В. В. Нагаев, *Человек и алкоголь: социологические, психологические и медицинские аспекты* (Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского университета,1994), с. 43; Мирошниченко, “История борьбы с пьянством и алкоголизмом в 20-30-х годах”, с. 58; Протько, ка, наблюдалось, кстати, во всех странах. В 1928-1932 гг. на душу населения в среднем приходилось (в литрах абсолютного алкоголя): во Франции − 20,6; Испании − 15,8; Италии − 11,8; Швейцарии − 10,5; Бельгии − 7,8; Австрии − 5,8; Англии − 5,1; Германии − 4,5; США − 4,0; Швеции − 3,5; Норвегии − 2,1 (Нагаев, *Человек и алкогол*, с. 42).

131. Мирошниченко, “История борьбы с пьянством и алкоголизмом в 20-30-х годах”, с. 58.

естественное стремление каждого человека к радости, веселью, повышенному настроению. Борьба за культуру второй половины 1930-х гг. уже не исключала подобных форм общения, проблемы растущего пьянства населения продолжают волновать лишь медиков и юристов. Государство же, победившее на алкогольном фронте частника − самогонщика и шинкаря, чему в немалой степени способствовали коллективизация и голод начала 1930-х гг., объявило проблему решенной: "В Советском Союзе, где окончательно ликвидированы эксплуататорские классы, где непрерывно повышается материальное благосостояние народа, уничтожены социальные корни алкоголизма".[132] В результате, на фоне происходивших в стране перемен постоянное увеличение производства и продажи спиртных напитков и одновременно свертывание борьбы с пьянством вели к дальнейшей алкоголизации общества.

Петрозаводский государственный университет

132. "Алкоголизм", *Большая Советская Энциклопедия* , 2-е изд. (Москва: БСЭ, 1950), 2: 119.